

Сыграл бы верующего полицейского

Ивар КАЛНЫНЬШ живет в Риге, при этом регулярно появляется в России — на фестивалях, съемочных площадках. Он по-прежнему любим нашим зрителем, хотя и видим мы его на экране теперь все реже и реже. Тем интереснее узнать из первых уст, чем живет любимый артист.

— Ивар, на недавнем фестивале "Киношок" на зрителей произвели впечатление новые работы латышских кинематографистов: "Страшное лето" — полнометражная картина Айгарса Граубы и короткометражная "Короли" дебютанта Иво Калпиниекса. Все это рождало ощущение некоего подъема в кинематографии. Верно ли оно?

— Думаю, что да. Недавно проходил наш Национальный кинофестиваль, в общем напоминающий Санкт-Петербургский форум "Виват кино России!". И я с радостью узнал, что там было показано одиннадцать игровых лент! Три полнометражные, остальные сняты в коротком метре.

— С чем вы связываете это оживление? С усилившимся государственным финансированием общинавшего кино? Или потянулись в кинематограф спонсоры, меценаты?

— Скорее, второе. Хотя государство тоже стремится в какой-то мере помочь, как бы это ни было сейчас для него трудно. Во всяком случае, где-то около сорока процентов государственных средств было вложено в фильм нашего классика, хорошо известного и в России режиссера Яниса Стрейча "Мистерии старой управы". Остальные средства пришли от спонсоров. Кинематографу, например, активно помогает Фонд борьбы с алкоголизмом и курением. Такой круг складывается: пьяницы и курильщики содействуют развитию просвещения и искусства.

— Но, вероятно, помогают не только они?

— Нет, конечно. Есть люди, которым нужна реклама, и они вкладывают средства в фильмы. Есть и такие, которые дают деньги бескорыстно, иногда в силу давних дружеских связей с тем или иным автором, артистом. Я столкнулся с этим лично, работая над своими дисками.

— В последнее время вы стали одним из самых поющих актеров...

— Первый диск я записывал в Германии вместе с женой, делали это отчасти ради забавы. А вот сейчас я работал уже очень серьезно. Собрал разные песни — по жанру, по манере исполнения. Справился с латышским вариантом, теперь надо перевести тексты на русский язык и записать этот диск на русском.

— Хочу вернуть вас к новым латышским картинам. Мне показались, особенно в "Королях", что ваш кинематограф постепенно уходит от тех антирусских нот, которые все же появлялись в некоторых фильмах независимой Латвии. "Короли" радуют призывом к терпимости, пониманию друг друга, уважению чужой жизни и чужого таланта. Прекрасно, что так мыслит новое поколение, которое только входит в искусство.

— Я не склонен соглашаться с вашим суждением об антирусских нотах в наших фильмах. Это чисто ан-

Фото Б.КРЕМЕРА

тикоммунистические тенденции.

— Однако иногда открыто идентифицированные с национальностями...

— Дело в том, что власть коммунистов соединялась в представлении наших людей с Востоком, с Россией.

— Мы страдали и пострадали не меньше, чем вы.

— Знаю. Но не забывайте, что в отличие от нас в России эти коммунистические тенденции дороги еще многим, кое-кто ими живет до сих пор. Людям кажется, что они все еще обитают в стране под названием "Советский Союз", хотя этой страны нет уже почти десять лет. Быть может, разговоры о нелюбви к русским исходят от таких граждан? А жизнь идет вперед. Приходит молодое поколение со своими представлениями, со своим мироощущением и своей эстетикой. Мне нравится, что оно входит в жизнь вот так — по-своему.

— "Короли" интересны тем, что соединяют традиции нетеропливого балтийского повествования с несомненным заострением формы. Нескольким в ином ключе работает режиссер Грауба: видимо, сейчас ваше кино увлечено голливудскими моделями.

— Картину Граубы я воспринимаю как любовную историю прежде всего. Эта история разыгрывается на фоне политических событий, серьезно изменивших жизнь Латвии, событий лета 1940 года, когда Красная Армия вошла в Ригу. На мой взгляд, не стоит серьезно относиться к историческому ряду фильма. Он нужен ради движения сюжета, истории любящих, ставших жертвой политических игр. В этой части картины много вымышленного.

— Айгарс Грауба — новое имя в вашем кино?

— Он начал как продюсер очень популярной рок-группы. Потом решил заняться чем-то более серьезным. Снял несколько клипов и пошел в кинорежиссуру. "Страшное лето" — его вторая картина. Сейчас он снимает сериал на частном телеканале. Кстати, "Страшное лето" снималось тоже на деньги телевидения. Мне кажется, сегодня вообще не стоит снимать фильм без использования современной кинотехники. Построено много новых кинотеатров. Зрители не хотят смотреть картины в подпольных кинозалах.

— Стало быть, латышские кинематографисты настроены сейчас на дорогостоящие картины?

— По мере финансовых возможностей, которые, к сожалению, пока очень скромны. Главное, что наши зрители пошли в кино и хотят видеть свои отечественные картины. Надоело привозное искусство, даже независимо от того, хорошее оно или плохое. Не хотят наши люди чувствовать себя ущербными.

Я очень радовался, когда 1 сентября в одном из красивейших мест Латвии, в Сигулде, состоялась премьера картины Стрейча "Мистерии старой управы". Открытую эстрадную площадку оборудовали, установили экран, обеспечили хороший звуковой ряд. Представьте, что съехало больше шести тысяч зрителей. Ехали на машинах, из дальних мест. В этом я тоже вижу момент возрождения национального кино, стимулирующий к тому же деятельность спонсоров. Две-три картины — это еще не процесс в полном смысле слова, эта цифра должна, по-моему, вырасти хотя бы вдвое. Лучше втрое. Причем процесс реально происходит тогда, когда какой-то процент всех средств расходуется на эксперимент, на авторское кино. Должны быть средства даже для ошибок, потому что ошибка — тоже результат. Пусть на это уходит десять — пятнадцать процентов. Но пусть они будут!

— Вы всегда много снимались в России. Вас не только по-прежнему обожают зрители, но и по-прежнему за вами охотятся многие режиссеры.

— Я работаю в России не только в кино, но и в театре. Играю в антрепризе. Меня пригласил Виталий Соломин, которого я давно знаю по кино, в свой спектакль по Максиму Фришу "Биография — игра". В этом спектакле играют сам Соломин, я, актриса Малого театра Зинаида Андреева и Мария Мисожникова-Деволлюкофф, она французка. Она же продюсер спектакля. В Москве нашу постановку приняли на ура. Премьера была в апреле. В мае мы играли на Украине, в сентябре — в Челябинске, дальнейшие планы связаны с Минском и Вильнюсом.

— То есть вы ездите по всему нашему постсоветскому пространству, где Ивар Калныньш, Виталий Соломин — все те же кумиры публики. В кино вы тоже, как и раньше, связаны с Россией?

— Буду работать в десятисерийной картине о борьбе с наркобизнесом. Съемки пройдут на Кавказе, затем в Париже, поскольку речь идет об Интерполе. Я как раз и играю одного из его сотрудников. Ре-

жиссеры — Зиновий Ройзман и Сергей Тарасов. Есть предложение от режиссера Валерия Харченко, собирающегося сделать стосерийный фильм. Но все это видео.

— Вы продолжаете играть в родном для вас драматическом театре в Риге?

— Осталась одна маленькая роль. Но я приглашен в рижский Новый театр, есть у нас теперь такой. И еще одна роль у меня в рижском Малом театре.

— При всей вашей занятости вы часто бываете на российских кинофестивалях. Хотелось бы услышать, что вы думаете о нашем кино?

— А я до сих пор, представьте, не делю его на "наше" и "ваше". На фестивалях заметна общность всех, кто вместе работал в прошлые годы. У нас схожее восприятие, вместе смеемся, вместе плачем. Есть, безусловно, какие-то национальные штрихи, например, в грузинских фильмах с их особым киноязыком, особыми героями. Но это продолжение того, что мы видели прежде, что мы знаем. Что касается тенденции в российском кино, то, мне кажется, оно понемногу становится умнее, тоньше, богаче на эстетический поиск. Стало меньше "чернухи". Меньше кровавых историй о киллерах и мафиози, как правило, очень примитивно снятых. Впечатление такое, что кинематографисты опомнились и понемногу возвращаются к тому, что они так легко выбрасывали в последнее время. Ведь было большое, яркое искусство, не надо об этом забывать.

— Вы — один из ведущих латышских актеров театра и кино. Появилась ли у вас актерская смена?

— Конечно. По-моему, очень талантливы наш молодой артист Артурс Скрастиньш, вы видели его в "Королях" и "Страшном лете". Правда, не так давно при всей его успешности складывавшейся карьере Артурс вдруг резко изменил свою жизнь и пошел учиться в медицинский институт. Посмотрим, что он выберет в конце концов. Приходят молодые ребята, девушки, хорошо обученные, одаренные. Они довольно интересно проявляют себя в короткометражных картинах. Но, надеюсь, их ждут и большие ленты. Учатся они и в Нью-Йорке, и у нас в академии.

— А старшее поколение?

— О Стрейче я вам говорил. Недавно умер Альоиз Бренч. Его картины были очень популярны и до сих пор идут по телевидению. Работают наши документалисты. Хороши дела у аниматоров.

— Судя по всему, вы настроены оптимистически. В таком случае спросу вас о том, какую роль вы хотели бы сейчас сыграть, если бы вам сказали: выбирай что хочешь?

— Вот сыграть бы в яркой музыкальной комедии, в мюзикле. Так, чтобы бушевала фантазия. Возможно, даже с элементами фарса. В общем, что-то яркое и веселое.

— А реально это может осуществиться?

— Полагаю, что нет, потому что такие проекты очень дорогостоящие. Найти на них деньги тяжело. И еще я с удовольствием сыграл бы верующего полицейского. Ни в каком случае не убийцу. Светлого человека.